ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

Д-р Я. М. КОГАН

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ОДЕССА — 1926

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

Д-р Я. М. КОГАН

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ОДЕССА—1926

Окрлит (Одесса) № 712

Тип. кол. безр. печ. „Полиграф“
улица Ленина, № 31

Зак. № 1944 Тираж 1.000 экз.

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN

Доктору
Л. Я. СОСЮРА
посвящает
АВТОР.

„Сокровища, заложенные в чувстве,
„Я берегу для творческих минут".

В. Брюсов.

Что такое идентификация? Суб'ектная и об'ектная идентификация.

Идентификация (или отождествление) является одним из наиболее часто встречающихся механизмов душевной деятельности. Под идентификацией или отождествлением мы понимаем перенесение себя в ситуацию третьего лица с последующими аффективными и интеллектуальными реакциями на это перенесение. Иногда имеет место обратный процесс — перенесение третьего лица в ситуацию, в которой находится суб'ект. Оба эти вида идентификации, которые можно было бы об'единить под названием *суб'ектной идентификации*, тесно связаны с интроекцией и перенесением.

Но есть и другой вид идентификации, который можно было бы назвать *об'ектной*. В этом случае суб'ект отождествляет два лица или две ситуации и устанавливает к ним свое аффективное отношение, исходя не из реальных предпосылок, а перенося на более позднюю ситуацию или лицо ту же самую аффективную установку, какая существовала у него к хронологически более ранней.

Э. Шнейдер*) проводит разницу между об'ектной и суб'ектной идентификацией следующим образом: „Имеем ли мы перед собой один и тот же процесс, когда я говорю: „он идентифицируется со своим отцом", или: „он идентифицирует свой любовный об'ект с матерью", или: „идентификация грубо сексуальных функций с функцией ротовой зоны"? (Ференци)".

Когда мать, сын которой участвует в боях против неприятеля, узнает от соседки, что сын последней, тоже находившийся на войне, убит, тогда тревога ее за судьбу своего собственного сына усиливается, она острее переживает свое горе, больше других сочувствует обездоленной матери в ее утрате и ярче начинает сознавать бессмысленность кровавой войны. Это — не сочувствие, возникающее из аналогии ситуации, а со-переживание, базирующееся на суб'ектной идентификации.

Несколько более сложным, но аналогичным по существу, представляется тот процесс, при котором мы переносим третье лицо в ситуацию, в которой мы находимся сами. Тогда суб'ект переносит сначала третье лицо в свою собственную ситуацию, чтобы затем вновь занять его место в данной же ситуации. Когда врач, находясь у постели больного в затруднительном положении и не зная, какое ре-

*) Ernst Schneider. Über Identifikation. Imago, XII. Band, Heft 2/3, 1926. Стр. 249.

шение он должен принять, задает себе вопрос, что сделал бы на его месте его учитель, авторитет которого он привык ценить и уважать, то он сначала мысленно уступает свое место у постели больного учителю, чтобы затем вновь занять его и вместе с тем принять на себя его авторитетную роль и воспользоваться для принятия решения теми знаниями, которые он получил от своего учителя. Это—та же суб'ектная идентификация, так как в обоих случаях суб'ект является тем лицом, которое присваивает себе новые черты в результате идентификации.

Когда же мы при первом знакомстве с чуждым нам дотоле человеком сразу чувствуем к нему живую симпатию или глухую неприязнь, то это в огромном большинстве случаев происходит оттого, что мы отождествляем этого человека с другим лицом, к которому мы когда-то раньше из реальных обоснований питали симпатию или враждебные чувства. Этот пример является иллюстрацией об'ектной идентификации, потому что в данном случае суб'ект не является ни тем лицом, *которое* отождествляется, ни тем лицом, *с которым* отождествляются; он является тем, *кто* отождествляет.

Сознательная и бессознательная идентификация.

Во многих случаях (как в первых двух приведенных примерах) *процесс идентификации протекает сознательно или во всяком случае легко может быть осо-*

знан; отождествление происходит из реально обоснованных предпосылок, и последующая аффективная или интеллектуальная реакция на это отождествление адэкватна переживаниям, явившимся результатом происшедшей идентификации. Нам представляется совершенно понятной и логически обоснованной усилившаяся тревога матери за судьбу своего сына, так как ее опасения получили неожиданное реальное подтверждение и превратились из абстрактной возможности в конкретное осуществление, а в лице матери-соседки, оплакивающей свою безвозвратную утрату, она увидела самое себя перед непоправимым фактом гибели близкого и дорогого ей человека. Мы не удивляемся ее слезам, ее подавленному настроению духа, ее отказу от жизненных благ, с помощью которого она надеется „умилостивить судьбу" и таким образом предотвратить угрожающую ее сыну опасность. Нам понятны и переживания врача, чувствующего себя недостаточно вооруженным знаниями для разрешения трудной диагностической и терапевтической задачи и призывающего на помощь авторитет своего глубокообразованного и вдумчивого учителя, чтобы таким путем присвоить себе присущие ему знания, авторитет и эрудицию.

Однако иногда (особенно часто это происходит в невротической психике) процесс идентификации протекает бессознательно, и мы узнаем о нем лишь по его конечным результатам, по его проявлениям.

Сын, потерявший в раннем детстве отца и воспитывающийся матерью, окруженный любящими тетками и приживалками, незаметно для себя становится женственным, утрачивает свойственную мужчине активность и агрессивность, заменяя ее пассивностью, склонностью к мечтательной дружбе и мазохистической установкой Мятущийся в безысходной тоске Гамлет, нерешительный и колеблющийся, раз'едаемый мучительным самоанализом, не может выполнить акта мести, о которой взывает тень его отца, потому что он идентифицировался со своим дядей, осуществившим его собственную бессознательную инфантильную фантазию, убившим его отца и женившимся на его матери. Пациент в процессе аналитического лечения испытывает то глубокое уважение к врачу, то беспричинную ненависть, бессознательно отождествляя врача с лицами, игравшими важную роль в формировании личности пациента и в возникновении его заболевания. В психоанализе мы называем этот процесс перенесением и видим в нем залог успеха при лечении, так как он дает пациенту возможность отреагировать свои неизжитые аффекты и освободиться от их патогенного влияния.

Если в случаях сознательной идентификации она в достаточной мере оправдывается реальными предпосылками и дает логическое обоснование последующим аффективным реакциям, то бессознательная идентификация является „усвоением на

почве одинакового этиологического условия" *). Для ее возникновения нет необходимости в реальном обосновании, в существенных аналогиях между двумя ситуациями или лицами; для ее осуществления иногда бывают достаточны случайные, поверхностные аналогии, внешнее, едва улавливаемое сходство. Анализ перенесения нередко вскрывает те детали, на которых оно было основано: это — „цвет волос, некоторые черты лица, жест врача, его манера держать папиросу, перо в руке, созвучие или тождество его имени с именем многозначительного в прошлом лица" **).

Полная и частичная идентификация.

Идентификация, встречающаяся столь часто в душевной жизни каждого человека, лишь в очень редких случаях имеет своим результатом глубокие изменения личности, сказывающиеся в присвоению суб'екту всех тех черт, какие свойственны об'екту идентификации. В огромном большинстве случаев идентификация является частичной, т. е. „она заимствует лишь одну черту об'ектного лица" ***). Полная идентификация имеет решающее значение для душевной жизни человека: она либо

*) З. Фрейд. Толкование сновидений. Изд. „Современные Проблемы", Москва 1913. Стр. 122.

**) С. Ференци. Интроекция и перенесение. Изд. „Вопросы теории и практики психоанализа", Одесса 1925. Стр. 13.

***) З. Фрейд. Психология масс и анализ человеческого „Я". Изд. „Современные Проблемы". Москва 1925. Стр. 50.

принимает участие в возникновении тяжелого душевного заболевания, либо кладет основу новой инстанции в личности путем образования „Я-идеала“ (или сверх-Я). Об этом будет итти речь в дальнейшем.

Что же касается частичной идентификации, то Отто Фенихель*) различает следующие виды ее.

а) истерическая идентификация при одинаковых этиологических условиях и идентификация, дающая выражение чувству виновности;

б) идентификация у нормального человека после утраты об'екта или наряду с об'ектной любовью;

в) у гомосексуалов;

г) на основе недавней общности;

д) Образование Я-идеала у невротика **).

---

*) Otto Fenichel. Identifizierung. Int. Zeitschr. f. Psychoanal. Bd. XII, Heft 3, стр. 319.

**) Первоначально Фрейд различал нарцистическую и истерическую идентификацию и отличие между ними видел в том, „что при первой привязанность к об'екту пропадает, между тем как при второй она сохраняется и обычно проявляется в определенных отдельных действиях и иннервациях“. Однако, новые исследования Фрейда показали, что существуют идентификации, которые хотя и оказывают влияние на образование Я-идеала и на формирование характера, но тем не менее являются нарцистическими, т. е. связаны с возвращением либидо к Я Поэтому более целесообразно различать вместе с Отто Фенихелем полную и частичную идентификацию.

Идентификация и невротический симптом.

Фрейд указал нам на значение идентификации в механизме образования невротического симптома. Отождествляясь с лицом, место которого в отношении к какому-нибудь (любовному) об'екту истерик хотел бы занять, он присваивает себе присущие этому лицу черты, чаще всего такие черты, которые одновременно дают выражение чувству виновности, связанному с этим отношением к об'екту. Если девочка страдает такими же головными болями, как и ее мать, то было бы ошибочно видеть в этом простую имитацию. Вытекающая из эдипова комплекса ситуация выдает нам желание девочки устранить мать и занять ее место в отношении к отцу. Девочка видит, как во время каждого приступа головных болей отец усиливает свое нежное и ласковое отношение к матери, и тогда она бессознательно стремится использовать то же оружие, чтобы повысить к себе внимание со стороны отца; но, с другой стороны, эти же головные боли являются выражением самонаказания за греховные чувства, связанные с отношением к отцу и к матери, они свидетельствуют о бессознательном чувстве вины, порожденном эдиповской ситуацией и требующем искупления-возмездия.

В этом случае идентификация предпринимается для овладения об'ектом, ради об'екта. Но бывает и так, что в тех случаях, когда об'ект недоступен, когда влечение к нему не должно быть проявлено,

когда фиксация на нем является недозволенной, тогда влечение к об'екту заменяется идентификацией; из того, чем хотят обладать, об'ект превращается в то, чем хотят быть. Как говорит Фрейд, „выбор об'екта деградирует до идентификации". Я знал женщину, усыновленную и воспитанную профессором и сублимировавшуюся в той же научной области, что и он. Она была одинока, замкнута и жила в строгом уединении со своим отцом - профессором, она была лишена женственности, ей чуждо было желание нравиться, она не проявляла никакого интереса к своей наружности. Она, конечно, не смела думать о либидинозной привязанности к своему учителю и глубоко вытеснила самую мысль об этом. Но вытеснение, послужившее могучим фактором для ее сублимирования, не прошло для нее безнаказанно: после каждых нескольких слов она навязчиво и для постороннего уха неуместно произносила слово „говорит". Так, например, обращаясь к студентам, она говорила: „Действие наперстянки, говорит, на вырезанное сердце млекопитающих, говорит, одинаково, говорит, с действием на сердце лягушки" и т. д. В данном случае идентификация, занявшая место либидинозной фиксации, была настолько прочна, что ассистентке бессознательно казалось, будто она не свои мысли излагает, а мысли того, кто был для нее идеалом, на кого она хотела быть похожа, кто казался ей образцом жизненных достижений. Эта

идентификация была настолько сильна, что она оказалась сильнее породившего ее влечения к жизни: и ассистентка и профессор погибли, покончив одновременно по добровольному соглашению жизнь самоубийством*).

Есть еще один путь возникновения невротического симптома с помощью идентификации. Особенность этого пути заключается в том, что в данном случае стимул к идентификации лежит не в самом об'екте, не во влечении к нему, не в желании овладеть им или стать похожим на него, а в той ситуации, в которой находится об'ект. У школьника, провожающего гроб своего товарища - самоубийцы, тоже возникает фантазия о своем собственном самоубийстве. Наивно было бы видеть в этой фантазии проявление сочувствия или примитивного подражания. Наоборот, это сочувствие является результатом, а не причиной идентификации. Школьник видит, как родители и воспитатели, бывшие до того „черствыми", не интересовавшиеся переживаниями учеников, безразличные и чуждые к их запросам, проявляют в отношении к самоубийце чуткую за-

*) Следует думать, что такая деградация выбора об'екта до идентификации не предполагает еще, однако, окончательного отказа от об'екта. В глубинах бессознательного должна существовать уверенность, что такое отождествление может активировать нарцистические тенденции у об'екта и что Я, включившее в себя об'ект, как составную часть Я-идеала, станет в свою очередь об'ектом нарцистического типа.

ботливость; растерянность их он оценивает, как раскаяние в прежнем пренебрежительном отношении к тем, которые должны были составлять предмет их вдумчивых забот, и тогда у него возникает мысль, что и он мог бы стать предметом всеобщего внимания, любовного оплакивания, непрекращающихся таинственных разговоров, что и он мог бы быть окружен ореолом трагического героизма, мученичества и принесения себя в жертву. Тогда он отождествляет себя с самоубийцей, не потому что последний является для него об'ектом и идеалом, а потому что ситуация, в которой он находится, заключает в себе выигрышный момент, проявляющийся у школьника в интроверзии, в обращении своего неизрасходованного либидо внутрь, в разжигающих страдание фантазиях, в обостренном сознании своего одиночества и ненужности людям *).

Точно также и генезис мужской гомосексуальности тесно связан с бессознательной идентифика-

*) Прекрасный пример такой интроверзии находим мы у Л. Толстого. („Детство, отрочество и юность", гл. XV, Мечты): „То я воображал, что я непременно умру, и живо представлял себе удивление St. Jérôm'a, находящего в чулане вместо меня безжизненное тело"... „Он славный был мальчик"—скажет папа со слезами на глазах.—„Да,—скажет St. Jèrôme, — но большой повеса".—„Вы бы должны уважать мертвых,—скажет папа,—вы были причиной его смерти, вы запугали его, он не мог перенести унижения, которое вы готовили ему... Вон отсюда, злодей".

И St. Jérôme упадет на колени, будет плакать и просить прощения.

цией. Из всего того, что нам до настоящего времени известно относительно возникновения гомосексуальности, можно набросать следующее схематическое изложение: мальчик, прочно фиксированный в либидинозном отношении на матери, в период половой зрелости, когда наступает потребность физиологического удовлетворения либидо, когда, следовательно, возникает необходимость в перемене сексуального об'екта, отказывается от матери, как от об'екта, но компенсирует себя за этот отказ идентификацией с ней*). В силу этой идентификации все последующие об'екты должны быть похожи на Я гомосексуала, и в числе прочих признаков необходимым условием для любви к ним должно быть наличие у них гениталий, равнозначных его собственными гениталиям. „В этой идентификации поразительно ее большое содержание; она видоизме-

*) См. исследования Задгера и Ференци. „Задгер открыл во время психоанализа с несколькими мужскими гомосексуалами, что они в раннем детстве обнаруживали интенсивные гетеросексуальные наклонности, следовательно, что их эдипов комплекс (любовь к матери, ненависть к отцу) был выражен особенно ярко. Он полагает, что развивавшаяся у них впоследствии гомосексуальность является собственно лишь попыткой восстановить первоначальное отношение к матери. В об'ектах своей страсти одного с ним пола, являющихся для него источником удовольствия, гомосексуал любит бессознательно самого себя, в то время как сам он (тоже бессознательно) играет роль матери, как женщины и жены". (Ferenczi. Zur Nosologie der männlichen Homosexualität. Int. Zeitschr. f. ärzt Psychoanalyse, Bd. II, 1914.

няет человеческое Я в крайне важном вопросе, в сексуальном характере, по прототипу существовавшего до сих пор об'екта" *). В этом отношении можно оспаривать утверждение Фенихеля о том, что идентификация, лежащая в основе гомосексуальности, является частичной. Глубоко видоизменяя человеческую личность и будучи связана с ярко выраженными нарцистическими тенденциями, эта идентификация должна быть с полным правом отнесена к числу полных. Подтверждение этой мысли мы находим и у Шильдера. Приводя историю болезни одного гомосексуала, он тоже видит причину его инверзии в идентификации с матерью: „Любовь исчезла в тот самый момент, когда произошла идентификация. Полная идентификация уничтожила любовный об'ект. Он больше не нужен, так как человек сам становится им" **).

Идентификация и Я-идеал.

Мы не можем подвинуться вперед в нашем понимании механизма идентификации, если мы не обратимся к рассмотрению существующей в человеческом Я инстанции, которую психоанализ называет Я-идеалом или сверх-Я. Этой инстанции принадлежат функции самокритики, морали, совести; ее возникновение следует отнести к инфантильному периоду.

*) Фрейд. I. c., стр. 52.

**) P. Schilder. Medizinische Psychologie. Berlin 1924.

Мотивом к ее возникновению является тенденция к овладению реальностью, к победе над ней. Как показывает наблюдение, идентификация является самым ранним проявлением эмоциональной привязанности, она предшествует либидинозной привязанности и, как было уже указано, может путем регрессии явиться заменой либидинозной привязанности. Шильдер (l. c., стр. 266) описывает мотивы к первичной идентификации (Uridentifikation) следующим образом: „Тенденция к победе над реальностью инстинктивна (triebhaft), т. е. по существу своему она не может быть удовлетворена, она ненасытна. После достижения одной цели она тотчас же создает другие. В этом отношении она может быть приравнена к сексуальному влечению. Но вскоре ребенок начинает понимать, что разрешение стоящих перед ним задач, победа над реальностью не может быть одержана без всяких затруднений и что он в этом отношении отстает от взрослых. Достижение этой победы становится руководящей линией (Leitlinie), становится новой тенденцией. Здесь заложены рычаги для идентификации, происходящей между ребенком и его воспитателем". Эта первоначальная идентификация, составляющая ядро Я-идеала, приобретает величайшее значение для всего последующего развития личности. В последней возникает новая инстанция, которая принимает участие в вытеснении, которая ограничивает принцип удовольствия, подчиняя его принципу реальности, ко-

торая содействует сублимативным достижениям индивида. „Я-идеал соответствует всем требованиям, пред'являемым к высшему началу в человеке" *). Здесь же следует отметить, что Я-идеал не представляет собой стойкого, резко ограниченного от Я образования. Наоборот, в течение всей жизни человека в нем происходит целый ряд преобразований: одни части его разрушаются, заменяются другими, дополняются новыми чертами. Я-идеал приобретает новые черты вследствие новых идентификаций, разрушение же его происходит либо вследствие невозможности преодолеть реальность, либо вследствие болезненного процесса. Лабильность Я-идеала сказывается в том, что он то может приближаться к Я, в патологических случаях (например, при мании) совпадая с ним, то может восставать против него, рождая самоупреки, угрызения совести, то может наконец, проецироваться во внешний мир, и тогда Я воспринимает его в виде галлюцинаний, угрожающих голосов и бреда преследования и наблюдения.

Однако, как мы узнаем впоследствии, идентификации происходят не только с Я - идеалом, но и с Я, и осадок этих идентификаций в Я образует то, что мы обычно называем характером. Какие же идентификации следует отнести к Я - идеалу и какие к Я? В Я - идеал включаются только те

*) З. Фрейд. Я и Оно. Изд. „Academia". Ленинград 1924 Стр. 35.

идентификации, которые могут, по мнению индивида, повысить его ценность, которые дают ему бóльшую возможность овладения реальностью, с одной стороны, и являются в то же время осуществимыми, т. е. прошли через испытание реальности, с другой стороны. Так, например, политический деятель может включить в свой Я-идеал стремление к изменению или сохранению определенной структуры общества, стремление, возникшее в большинстве случаев путем идентификации с вождем той партии, к которой он принадлежит. Но ему не придет в голову включить в свой Я-идеал идентификацию со сказочным волшебником, разрешающим чудесным образом все противоречия в структуре общества, обогащающим бедных, неограниченно распоряжающимся силами природы, т. е. игнорирующим все те трудности, которыми изобилует реальность.

Идентификация и психоз.

Исходя из структурных соотношений личности, Фрейд в статье „Невроз и психоз“*) указал на разницу между неврозом и психозом: невроз возникает вследствие конфликта между Я и Оно, психоз же вследствие конфликта между Я и Я-идеалом или между Я и внешним миром. На участие и роль идентификации в возникновении невротических симп-

*) Русск. перев. см. „Психоаналитические этюды“. Изд. „Вопросы теории и практики психоанализа“, Одесса 1926. Стр. 30.

томов было уже указано выше. Нам остается выяснить роль идентификации в психозе. Обратимся в первую очередь к двум наиболее распространенным кругам душевных заболеваний: к маникально-депрессивному психозу и шизофрении.

Маниакально-депрессивный психоз чаще всего начинается с меланхолической фазы, причем нередко удается констатировать актуальный повод к возникновению заболевания. Таким поводом является утрата об'екта, независимо от того, оказалась ли эта утрата реальной или же человек сам отказался от об'екта, под давлением, например, господствующих над ним авторитетов, не одобривших его выбора, или под влиянием разочарования. В этих случаях либидо, отщепленное от утраченного об'екта, не переносится на новый об'ект, а возвращается к Я и способствует идентификации его с покинутым об'ектом. Физиологическое расщепление личности, наметившееся уже при образовании Я-идеала, когда одна часть личности обособилась и как бы начала противополагаться другой, начинает обозначаться теперь более резко. Можно сказать, что в тех случаях, например, когда имеет место утрата об'екта вследствие осуждения его родителями (или замещающими их лицами), борьба переносится с арены реальности на арену психического. Представителем авторитета, господству которого подчиняется индивид, является Я-идеал; Я, которое подверглось изменению вследствие идентифи-

кации с об'ектом и уподобилось ему, становится предметом ожесточенных нападок, беспощадной критики со стороны Я - идеала. Самоупреки и самообвинения, которые высказывает меланхолик, относятся собственно не к нему, а к отвергнутому и включенному в его Я об'екту. Прообразом меланхолии в нормальной душевной жизни должна считаться не печаль (как это обычно принято думать), а чувство недовольства собой. И здесь мы имеем бóльшую дифференцировку внутри Я, увеличение дистанции между Я и Я - идеалом, а также повышенную, направленную на Я критику со стороны Я-идеала. Но здесь нет той неумолимости критики, какая характерна для меланхолии, и конфликт между обеими инстанциями не так силен, благодаря чему он может быть улажен и компенсирован удачным жизненным шагом.

(Дальнейшие выводы, касающиеся тенденции меланхоликов к самоубийству, отказу от пищи, фиксации на оральной фазе развития либидо и т. д., опущены здесь, так как они не имеют непосредственного отношения к разбираемой теме.*)

С обратной картиной встречаемся мы при маниакальной фазе. Описательная психиатрия рисует маниакальных больных оживленными, веселыми,

*) Интересующихся этими вопросами отсылаю к соответствующим работам Фрейда и Абрагама:

См. З. Фрейд. Печаль и меланхолия. Психол. и психоаналит. библ. Вып. III.—О нарцизме. Изд. то же. вып. VIII.--Психо-

довольными собой, склонными к переоценке собственной личности. Если сравнить это описание с картиной меланхолического состояния и попытаться об'яснить его, исходя из структурных соотношений личности, то следует притти к заключению, что в данном случае произошло слияние Я-идеала с Я или, иначе говоря, произошла интрапсихическая идентификация Я-идеала и Я. Характерной особенностью этой идентификации является не возвышение Я до Я-идеала, а снижение Я-идеала до Я. В этом заключается и топическое и динамическое отличие маниакальной фазы от чувства радости, довольства, триумфа, возникающего у нормального человека при важном жизненном достижении. У нормального человека совпадение обеих инстанций возникает благодаря возвышению Я, за счет которого относится жизненная победа, до Я-идеала, в то время как при мании имеет место обратный процесс. При этом заболевании Я остается

логия масс и анализ человеческого Я. Изд. „Современные Проблемы". Москва 1925.

K. Abraham. Ansätze zur psychoanalytischer Erforschung und Behandlung des manisch-depressiven Irreseins und verwandter Zustände. Zentralbl f. Psychoan. II, H. 6. — Untersuchungen über die früheste prägenitale Entwicklungsstufe der Libido (см. русск. перев. Психоп. и психоан. библ. Вып. XI) — Neue Untersuchungen zur Psychologie der manisch-depressiven Zustände (Referat: Int. Zeitschr. f. Psychoanal. Bd. VIII). Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Libido auf Grund der Psychoanalyse. (Neue Arbeiten zur ärztl. Psychoanalyse H. II).

неизмененным, что сказывается в сохранении самосознания, правильной ориентировки во времени, месте и окружающем и т. д.; под влиянием болезни изменяются только проявления Я, лишенного задерживающих влияний, исходящих от Я-идеала.

На одно чрезвычайно важное обстоятельство обратил наше внимание Шильдер*): сквозь радостное настроение маниакальных больных часто проглядывают мучительные переживания, больные легко плачут, склонны к гневным вспышкам и т. д. Если подвергнуть внимательному изучению проявления одного и того же больного во время меланхолической и маниакальной фазы, то можно притти к заключению, что в обоих случаях изживаются одни и те же комплексы. Естественно возникает вопрос, почему в одном случае наступает меланхолическая реакция, а в другом маниакальная. Фрейд (l. c., стр. 84) считает решающим моментом „периодический протест Я против Я-идеала". Маниакальная фаза является как бы вознаграждением Я за все те лишения и мучения. которые ему пришлось испытать во время меланхолии. И в нормальной жизни человек, сознательно отказывающий себе во многих жизненных благах и откладывающий сбережения из своего скромного заработка, от времени до времени разрешает себе производить затраты

*) P. Schilder. Entwurf zu einer Psychiatrie auf psychoanalytischer Grundlage. Int. Psychoanalyt. Verlag. 1925.

из этих сбережений на удовольствия, не являющиеся его насущными потребностями. Аналогию этому в психологии масс мы видим в празднествах, во время которых разрешается и даже предписывается выполнять целый ряд действий, обычно подвергающихся запрету.

В то время как при маниакально-депрессивном психозе Я-идеал и Я остаются нетронутыми, и болезненные проявления рождаются лишь вследствие увеличения или уменьшения дистанции между этими психическими образованиями, при шизофрении центральным пунктом заболевания является регрессия Я до нарцистической ступени развития и сопутствующее этой регрессии разрушение Я-идеала. Внешний мир теряет свою реальность и заменяется психической реальностью*); фантазия предпочитается и является более ценной чем действительность. Художественно описано это состояние у Кречмера (Строение тела и характер): „Язвительная суровость или тупая угрюмость, колкая ирония, пугливость, как у улитки, молчаливая замкнутость — такова внешняя сторона шизоида. Иногда же внешний облик ничего не говорит. Перед нами человек, который как сфинкс стоит на нашем пути. В нем чувствуется что-то скучное, туск-

*) См. З. Фрейд. Утрата реальности при неврозе и психозе. Изд. „Вопросы теории и практики психоанализа". Одесса, 1926.

лое, но все же неопределенно загадачное. Что же таится под этими масками? Возможно, что ничто, безглазое ничто, аффективное отупение. За этим молчаливым фасадом с неуверенно дрожащими на нем потухающими настроениями часто нет ничего, кроме обломков черного щебня, зияющей душевной пустоты или едкого дуновения самого холодного бездушия. Однако по фасаду нельзя догадаться о том, что скрывается за ним. Многие шизоиды подобны римским домам, виллам с закрытыми от яркого света ставнями. Но там в полумраке происходят празднества".

Как же протекает идентификация при шизофрении? Я-идеал, сообразующийся с реальностью, теряет свое регулирующее влияние на поведение и поступки человека. Утрата этого влияния происходит двояким путем: вследствие свойственного шизофреникам аутизма они лишаются возможности идентификации со многими об'ектами, и такое ограничение числа идентификаций приводит к разрушению горизонтальной структуры Я-идеала*), а регрессия до нарцистической фазы производит разрушение вертикальной структуры его и оживляет

*) Подробнее см. об этом у Шильдера (l. c.), гл. III: Die feinere Struktur des Ideal-Ichs und das Warnehmungs-Ich.

Несмотря на такое расчленение, Я-идеал все же сохраняет существенные для него характерные черты: „свое единство, свою строгость, свою противоположность Я, принадлежность к бессознательному и силу власти". (Фенихель).

инфантильные идентификации. Больные получают „возможность опять воспринимать примитивные идентификации, которые не сообразуются со следами предначертанными реальностью. Все другие идентификации лишаются насыщенности. Приспособленный к реальности Я - идеал теряет свою активность. Последняя обращается на примитивный магический Я - идеал, который овладевает миром путем идентификациии." (Шильдер, l. c., стр. 74). Следы этих идентификаций обнаруживаются в бредовых идеях, высказываемых шизофрениками. Так, например, один больной на вопрос о его профессии стереотипно отвечает: „Американец". При этом он принимает горделивую осанку, и вся его фигура является олицетворением сверх-ценности. Мы имеем в данном случае возврат к инфантильному фантастическому образу, идентификация с которым происходит помимо и вопреки реальным обоснованиям. Цель этой идентификации—победа над неудовлетворительной реальностью, овладение ею. Образ могущественного американца, которого опыт предшествующей инфантильной жизни наделил умом, сказочным богатством, всемогуществом, является, повидимому, в представлении данного больного наиболее подходящим для достижения этой цели.

Иногда регрессия происходит еще глубже, и тогда идентификация распространяется не только на фантастические образы людей, но и на живот-

ных и на неодушевленные предметы. Примером такой идентификации может послужить бред другого шизофреника, сообщившего, что он служил в больнице сначала в качестве двери, затем самовара, а в настоящее время он служит коровой, которую будут взрывать динамитом и т. д. В другой раз этот же больной на вопрос, „где Вы в настоящее время находитесь?“, ответил: „В волосах, в волосах. Я—маленькое насекомое, животное такое, запутавшееся в волосах“. (Символическое толкование шизофренического бреда нисколько не противоречит пониманию происходящей в данном случае идентификации).

При других заболеваниях, связанных с бредом преследования, идентификации, послужившие к образованию Я-идеала, проецируются во вне*). Я-идеал окончательно обособляется от Я и противопоставляется ему, как чуждая враждебная сила, находящаяся во вне и направленная к уничтожению Я в том виде, в каком оно существует, к насильственному изменению его. Больные слышат угрожающие голоса, упрекающие их за те стремления и желания, которые когда-либо возникали у них, но которые были вытеснены, или которые были осуществлены, но встретили осуждение со стороны Я-идеала. Больные сообщают обо всех неблаговидных

*) Вопрос о том, какими путями происходит эта проекция, составляет предмет особого исследования.

поступках, совершенных ими когда-либо, надеясь запоздалым повиновением или раскаянием предотвратить грозящее им наказание. Этот процесс можно иллюстрировать следующим примером. Шизофреник параноидного типа, член коммунистической партии, считает, что он далек от идеала честного, выдержанного коммуниста, что он совершил целый ряд тяжелых преступлений, в голодные годы присвоил себе пять пудов муки и т. д. В настоящее время он слышит укоряющие голоса, которые перечисляют все совершенные им проступки и сообщают ему, что над ним будет суд. Свои переживания больной излагает в письменной форме в следующем виде: „Мое лечение. В моей голове витает мысль или какой-то разговор моего мозга с невидимым человеком, который внушает мне следующее: через несколько дней придет ко мне брат в больницу и на извозчике отправит меня домой к матери на Н . . . . . улицу № 29. По истечении нескольких дней, в день кончины Владимира Ильича Ленина, брат же отвезет меня на торжественное заседание ячейки ЧОН к коим старым товарищам, где будет разбираться мой вопрос: по первому требованию я дословно с некоторыми напоминаниями со стороны расскажу свою биографию: дальнейшее решение вопроса будет зависеть от моих товарищей и Военного Комиссара. После собрания я буду отправлен на квартиру к своему брату поздно ночью инкогнито. Болезнь

все больше и больше будет прогрессировать, я буду близок к смерти; придет ко мне мать, тоже больная и будет плакать. Никакой пищи я не приму, и только один кусочек, данный мне кем-то из окружающих, в один миг поправит здоровье, и мать, поцеловав меня, также почувствует большое облегчение" и т. д.

Здесь мы видим процесс проекции как бы in statu nascendi. Больной еще не уверен, он еще сам не знает, его ли это мысль (т. е. Я-идеал, лежащий внутри Я) требует возмездия за совершенные поступки или это уже „разговор мозга с невидимым человеком" (т. е. с проецированным во вне Я - идеалом), содержащий в себе требование реформирования Я с тем, чтобы оно лишилось своей греховности, искупило свою вину и стало, таким образом, вновь приемлемым для Я-идеала *).

Идентификация в сновидении. Сновидение — via regia к познанию бессознательного. Изучение сновидения пролило свет на целый ряд механизмов, которые в состоянии бодрствования при наличности неослабленной цензуры недоступны на-

*) „Побуждением к образованию Я-идеала, стражем которого призвана быть совесть, послужило влияние критики родителей, воплощенное в слуховых галлюцинациях, а к родителям со временем примкнули воспитатели, учителя и весь необозримый и неопределенный сонм других лиц, составляющих общественную среду (окружающие, общественное мнение). З. Фрейд, О нарцизме. Психолог. и психоналит. библ, Вып. VIII. Стр. 138.

шему познанию. Поэтому особенно интересно проследить проявления и роль идентификации в сновидении, и прежде всего в процессе образования сновидения. Общеизвестно, что при сопоставлении явного содержания сновидения с мыслями, скрывающимися за ним, последние имеют (например, при попытке изложить их письменно) гораздо больший об'ем, чем явное содержание. Процесс образования сновидения не следует представлять себе, как транскрипцию латентных мыслей на пластический язык сновидения. Последнее образуется „не таким образом, что отдельная мысль или группа мыслей дает часть содержания сновидения и следующая мысль следующую часть сновидения, все равно как из населения избираются народные представители: наоборот, вся масса мыслей сновидения подлежит известной переработке, после которой наиболее способные элементы избираются для включения в содержание сновидения" *).

В этой обработке мыслей сновидения важная роль принадлежит идентификации, как ступени, предшествующей сгущению. Ни одно сгущение не происходит без идентификации; любой анализ может подтвердить это положение.

Юноша, активно вступающий на самостоятельный жизненный путь, находится в экономической и

*) З. Фрейд. Толкование сновидений, Изд. „Современные Проблемы" Москва 1913. Стр. 238.

духовной зависимости от трех лиц: Р., Ш. и Н. Он начинает осознавать эту зависимость и делает попытки освободиться от довлеющих над ним авторитетов. В его поведении отмечается немотивированная протестуозность, стремление к переоценке и самоутверждению своей личности. Однажды в беседе ему было указано на эти элементы в его поведении. На следующее утро он сообщает сновидение: он (сновидящий) встречает человека, с которым вступает в борьбу, и побеждает его. При анализе выясняется: сновидящий во сне знал об этом человеке, что это—Р., но он был такого же высокого роста как и Ш., а лицо его принадлежало Н. Несомненно, что образ фигурирующего в сновидении человека является сгущением трех лиц: Р., Ш. и Н. и что сновидение символически осуществляет желание сновидящего освободиться от зависимости, определяющей его взаимоотношения с ними. Но так же несомненно, что этому сгущению предшествовала и явилась для него детерминирующей об'ектная идентификация этих лиц. Основой для этой идентификация послужила присущая им всем авторитетность, преломлявшаяся в психике сновидящего как зависимость от них.

В некоторых случаях такой общности, необходимой для осуществления идентификации, не существует, и тогда нетрудно бывает доказать, что идентификация предпринимается сновидением для изображения существующего у сновидца желания,

чтобы эта общность имела место. Тот же юноша присутствует на лекции Н., читанной им в казарме. По окончании лекции, возвращаясь домой, они встречают знакомую; во время беседы она шутливо спрашивает у Н., не осыпали ли его после лекции цветами, на что Н. в шутливой же форме высказал опасение, не оказался ли он после лекции осыпан насекомыми. Через день юноша сообщает сновидение: ему снилось, будто он весь осыпан вшами, при чем в сновидении он не испытывает ни беспокойства, ни неприятного чувства по этому поводу. Анализ сновидения обнаружил, что юноша, готовящий себя к политической деятельности, отождествлял себя во время лекции с Н. из желания усвоить себе его независимость от аудитории, манеру свободно держать себя, уменье образно излагать свои мысли и т. д. Эту идентификацию и изобразило сновидение, создав желательную для сновидящего общность: быть осыпанным насекомыми (цветами) после лекции.

Идентификация принимает участие также и в другом важном процессе: в передвигании. В тех случаях, когда цензура препятствует появлению в явном содержании сновидения элемента, обладающего значительной психической ценностью, происходит обесценение этого элемента и передвигание этой ценности на другой элемент, свободный от влияния цензуры. Выбор этого второго элемента происходит очень часто с помощью идентификации, имеющей исходным пунктом первый элемент. Так,

например, мы знаем, что сновидение абсолютно эгоцентрично. И если встречаются сновидения, в которых сновидящий не участвует, то анализ вскрывает, что за одним или несколькими действующими лицами сновидения скрывается путем идентификации сам сновидящий. Опорным пунктом для распознавания, за каким именно лицом в сновидении скрывается сновидящий, является наличие аффекта тождественного с тем, какой испытывает во время сна сам сновидящий. Такое передвигание аффектов происходит в сновидении особенно часто, так как аффекты остаются в сновидениях неизмененными и отделяются лишь от соответствующих представлений, содержащихся в латентных мыслях сновидения, чтобы присоединиться затем к новым представлениям, проникающим в явное содержание сновидения и дающим опорные точки для идентификации их с первоначальными представлениями.

Идентификация в сновидении может касаться не только лиц, но и ситуаций. Таково, например, приведенное Фрейдом (l. c., стр. 123) сновидение одной пациентки, которой приснилось, что ее маленький племянник умер и лежит в гробу. Анализ показал, что в этом сновидении центр тяжести падает не на смерть племянника, а на связанную с ней ситуацию (встреча у гроба с любимым человеком) и что сновидение использовало для изображения этой желательной ситуации идентификацию с аналогичным событием, имевшим место в пред-

шествующем опыте пациентки. Точно также сновидение пользуется идентификацией как изобразительным средством для выражения противоположности. Сновидение „изображает и отдельные элементы при помощи их противоположностей, так что ни один элемент, способный найти себе прямую противоположность, не показывает сразу, имеет ли он в мыслях сновидения положительный или отрицательный характер“ (Фрейд, l. c., стр. 263). Кроме того Фрейд ссылается на подтвержденную языковедами аналогию с древними языками, где одно и то же слово первоначально употреблялось для обозначения противоположных понятий *).

Наконец, несомненно важную роль играет идентификация в символике, которою так богаты сновидения. В основе каждого символа лежит отождествление, основанное на более или менее отдаленном сходстве и опирающееся часто на инфантильное познавание реальности, к чему мы еще вернемся в дальнейшем. Ференци **) указал на существенное отличие символики от сравнения, метафоры, аллегории и т. д. Как в первом, так и во втором случае мы имеем возникающую на почве аналогии идентификацию двух предметов (образов), из которых один обладает бо̀льшей психической ценностью,

*) S. Freud. Über den Gegensinn der Urworte. Jahrb. f. Psychoanalyse II, 1910.

**) S. Ferenczi. Zur Ontogenesse der Symbolen, Int. Zeitsch. f. Psychoanalyse. I, H. 5, 1913.

а другой—меньшей. Необходимым условием для возникновения символа является вытеснение представления, обладающего большей либидинозной насыщенностью, и тогда связанные с ним аффекты присоединяются к остающемуся в сознании „члену уравнения“ и обусловливают его аффективную сверхценность, не оправдывающуюся реальными соотношениями. Анализ, направленный на выяснение таких идентификаций, результатом которых явилось образование символа, может во многом облегчить нам понимание символики сновидения.

Идентификация в детстве. Едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что идентификация, играющая столь важную роль в душевной жизни человека, начинается с момента внеутробной жизни младенца, на что указал уже Ференци*). Новорожденный встречает криком неудовлетворяющую его реальность и стремится изменить ее в сторону приближения к условиям внутриутробного существования. Он успокаивается лишь тогда, когда он попадает в теплую, мягкую среду, когда глаза его защищены от света, а слух—от резких раздражений и когда убаюкивание заменяет ему ритмические движения, пережитые им в материнской утробе, т. е. когда он попадает в

*) S. Ferenczi. Entwicklungsstufen des Wirklichkeitssinnes. Int. Zeitschr. f. Psychoanalyse, I. H. 2, 1913.

ситуацию, дающую ему возможность идентифицировать ее с существовавшей до рождения ситуацией.

Дальнейшее развитие инфантильной психики проходит через ряд стадий, подробно рассмотренных Ференци, но познание реальности происходит всегда через многочисленные идентификации, точнее говоря, через исключение идентификаций и ограничение числа их. „Можно предположить, что все ощущения, доставляемые новорожденному органами его чувств, представляются ему цельными, почти монистичными. Лишь позже он научается отличать коварные вещи, не подчиняющиеся его воле — внешний мир — от своего „я", т. е. чувства от ощущений" *).

В дальнейшем развитии ребенок доходит до „анимистического периода понимания реальности". Каждый предмет и каждый процесс отождествляется с его телом, органами и функциями. Солнце, ветер, стулья, игрушки имеют папу и маму, радуются и плачут, идут спать, кушают и т. д. Повседневный опыт изобилует такого рода примерами. $1^1/_2$-годовалый ребенок, которому была поставлена клизма, получает в утешение резиновый баллон и пооче-

*) С. Ференци. Интроекция и перенесение. Изд. „Вопросы теории и практики психоанализа", Одесса 1925. Вопрос этот подробно изучен Шильдером (P. Schilder. Das Körperschema.)

редно ставит клизму стулу, своим башмакам и всему, что имеет какое-нибудь отверстие. Другой ребенок при виде реки восклицает: „Как много слюны!", третий называет ноги своих родителей дверьми, потому что их можно открывать и закрывать (сдвигать и раздвигать) (Ференци).

Инфантильные идентификации многочисленны, многообразны и имеют крайне недостаточное и примитивное реальное обоснование. Испытание реальности заключается в разрушении этих идентификаций. Невроз и психоз воссоздают их или создают их заново. Восприятие реальности убеждает ребенка в том, что не всякое отверстие — anus, не всякая жидкость — слюна, не всякий предмет, способный открываться и закрываться—двери. Обогащение опыта у ребенка состоит в том, что вместо прежних, лишенных реального обоснования идентификаций, у него возникают новые понятия, и лишь архаические элементы сновидения аннулируют эту дифференциацию понятий и вновь возвращают психику к инфантильной ступени развития. Смерть и от'езд идентичны в представлении ребенка потому только, что общим для них элементом является отсутствие того или иного лица. У ребенка часто возникает пожелание смерти новорожденному сопернику, грозящему привлечь к себе внимание и любовь родителей, и не потому, чтобы ребенку была свойственна „жестокость" или „отсутствие моральных задержек". Ребенок не знает

еще жуткого и трагического значения смерти, и лишь реальный опыт убеждает его в том, что от'езд и смерть не только сходны между собой общим для них элементом отсутствия, но и разнятся между собой тем, что в первом случае это отсутствие временно и может быть в любой момент нарушено, в то время как во втором случае оно вечно и невозвратно. И только в сновидениях взрослого человека сказывается эта существовавшая некогда инфантильная идентификация, и смерть нередко символизируется от'ездом.

Далее ребенок нередко отождествляет себя или близких ему людей с животными, обнаруживая в этом отношении аналогию с тотемистическим институтом первобытных людей*). Ребенку чуждо гордое и презрительное отношение к животным, существующее у взрослого человека, и он не только отождествляет других близких ему людей с животными, но и сам идентифицируется с ними. Ребенок, лишившийся любимого котенка, ползает на четвереньках, изображая из себя котенка и стараясь таким образом вознаградить себя за понесенную утрату; другой отождествляет себя с курицей, кудахтает, хлопает крыльями и т. д. Играя в лошадки, ребенок отождествляет себя с лошадью и нередко распространяет эту идентифи-

*) З. Фрейд. Анализ детских неврозов, Психолог. и психоаналит. библ. Вып. XXIII.

кацию за пределы игры. Огромный интерес и любовь детей к сказкам до некоторой степени об'ясняется тем, что в них он может неограниченно осуществлять те идентификации, в которых отказывает ему реальность.

В дальнейшем развитии круг идентификаций все больше и больше ограничивается, и каждая идентификация пред'являет определенные условия, без выполнения которых она не может быть осуществлена. Принцип реальности вынуждает ребенка отказаться от многих инфантильных фантастических построений, и только в бессознательном, где неограниченно продолжает господствовать принцип удовольствия, осуществляются идентификации на основе мелких и поверхностных аналогий, диктующие человеку определенные аффективные установки и определенное поведение в жизни.

Сублимирование. Одним из могущественнейших источников художественного творчества является сублимирование, т. е. процесс преобразования энергии, исходящей из отдельных исключительно сильных источников сексуальности, и применение ее в других областях человеческой деятельности. „Сродство между творческим воображением и половой психикой (?! *Я. К.*) художника—факт, твердо установленный в литературе целым рядом авторитетных психиатров, психо-

логов, физиологов и историков искусства. (Ломброзо, Крафft-Эбинг, Ковач, Макс Нордау, Рибо, Тард, Мечников, Тик, Новалис, Фрошаммер, Руге, Мильталер, Платнер, Сорель, Брандес, Овсяннико-Куликовский и др.") *).

Быть может наиболее ценным является для нас признание самого художника, непосредственно ощущающего связь между либидинозно насыщенными переживаниями и своим творчеством.

„О, бард любви, далекий соловей,
О, лунный свет всегда необычайный,
О, бахрома повиснувших ветвей!
Вы создали пленительные тайны,
Вы подсказали пламенную ложь,
Мой страстный бред, красивый, но случайный.
Ищу в себе—томительную дрожь,
Роптание живительных предчувствий...
Нет! Прочь слова! Себе ты не солжешь!
Сокровища, заложенные в чувстве,
Я берегу для творческих минут,
Их отдаю лишь в строфах, лишь в,
искусстве,
А в жизни я—как выпитый сосуд.

Валерий Брюсов.

Chefs d'Oeuvre. Лирические поэмы. „Встреча после разлуки".

*) С. О. Грузенберг. Психология творчества. Т. I. Изд. „Белтрестпечать". Минск 1923. Стр. 112. Разрядка в цитате принадлежит автору.

Самым существенным моментом в этом процессе преобразования либидинозной энергии является десексуализация ее, утрата свойственной ей специфичности, превращение ее из индивидуально-опасного фактора в социально-полезный. Каков механизм этого превращения? У Фрейда мы находим указание на то, что в сублимировании важная роль принадлежит идентификации („Я и Оно", Стр. 27): „Происходящее в этом случае превращение об'ектного либидо в нарцистическое либидо, очевидно, влечет за собой отказ от сексуальных целей, известную десексуализацию, а стало быть и своего рода сублимирование. Более того, тут возникает вопрос, заслуживающий внимательного рассмотрения: не есть ли это обычный путь к сублимированию, не происходит ли всякое сублимирование посредством вмешательства Я, которое сперва превращает сексуальное об'ектное либидо в нарцистическое, чтобы в дальнейшем поставить, может быть, этому влечению совсем иную цель" *).

Следует предположить, что каждому новому под'ему художественного творчества, каждому сублимированию предшествует бессознательный (а иногда и сознательный, вынужденный реальными об-

*) Мюллер-Брауншвейг указывает на то обстоятельство, что сублимирование может происходить не только за счет аллоэротического либидо, но и за счет аутоэротического. (Beiträge zur Metapsychologie. Imago, Bd. XII., H. 1, 1926).

стоятельствами) отказ от либидинозной привязанности к об'екту. Освобождающаяся при этом энергия у художника не сразу превращается в ценные продукты художественного творчества. Она сначала возвращается к Я (процесс этот известен под названием „вторичного нарцизма"), а затем уже, лишившись своего специфического сексуального содержания, выявляется во вне. В промежутке между возвращением либидо к Я и выявлением его в сублимированном виде происходит идентификация Я с покинутым об'ектом. В тех случаях, где сублимирование оказывается невозможным, такая идентификация Я с покинутым об'ектом, с одной стороны, и переполнение Я либидинозной (нарцистической) энергией, с другой стороны, приводят нередко к тяжелому психоневрозу. Поэтому творчество, являясь в высокой степени ценным социальным продуктом, представляет собой вместе с тем надежный фактор предохранения личности творца от нервного или душевного заболевания. Художник изживает в творчестве комплексы, которые могли бы привести его к неврозу, и в идентификации со своими героями отреагирует свои ненасыщенные аффекты, которые не могут найти себе приложения в жизни. Образно выразил эту мысль Бабель устами старого Арье Лейба („Как это делалось в Одессе":) „Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновенье, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге".

Идентификация и познание чужого Я.

Решающее значение приобретает идентификация в вопросе о познании чужого Я. Этим сложным и важным вопросом издавна интересовались философы и психиатры. В последнее время проблема познания чужого Я снова настойчиво выдвигается психиатрами (Шильдер, Кронфельд) в связи с частным вопросом о сущности психиатрического познания. Кронфельд (Das Wesen der psychiatrischen Erkenntnis) пишет: „Какого рода процессом мы узнаем тождество и непрерывность нашего Я при различных душевных состояниях? Чем отличается материальная предметность нашего собственного Я от материальной предметности чужих Я? Каким образом я знаю о наличности Я у чужих Я? Каким образом я вообще знаю о сопряженности и взаимной связи душевного бытия определенного рода с хранящимися в памяти прежними состояниями другого душевного бытия, непосредственно сознаваемого мною в качестве чего-то присущего мне? По какому праву я применяю подобное отождествление двух различных во времени процессов, как протекающих в одной и той же личности, по отношению к другим телам, в которых я предполагаю наличность душевного бытия? При помощи какого рода методов я постигаю душевные процессы в чужих Я? При помощи каких орудий познания я при своем внутреннем познании чужих личностей в состоянии преодолеть психологическое противоречие, заклю-

чающееся в понятиях Я и чужой? Каким образом индивидуальное в моем душевном акте может стать предметом действительного и обязательно необходимого для всех познания? Каким образом возникает возможность общих законов, имеющих своим предметом индивидуальное? Какое значение может после всех открывающихся здесь вопросов и сомнений вообще быть приписано понятию душевного факта?" *).

Как правильно отмечает проф. Лапшин вопрос о познании чужого Я имеет две стороны: гносеологическую и психогенетическую. При материалистическом подходе гносеологическая сторона рассматриваемой нами проблемы, т. е. вопрос о доказательствах реальности чужого Я, отпадает полностью, поскольку чужое Я, равно как и собственное Я, являются ничем иным, как „инобытием матери", как „эпифеноменами, за которыми скрываются в виде истинной сущности материальные процессы".

Для решения психогенетической стороны интересующей нас проблемы было предложено несколько теорий. Теория „заключения по аналогии" (Analogieschlusstheorie), развитая Г. Спенсером (Основания психологии, §§ 463—464), подчеркивает, что каждый человек может наблюдать непосредственно

*) Цигировано по Клейсту: „Современные течения в психиатрии". Изд. „Врач" Берлин.

лишь свои собственные переживания, познание же чужой психической жизни всегда происходит только косвенными путями умозаключения.

A имеет свойство B.
X подобен A в свойствах a, b, c и т. д.
X обладает, вероятно, свойством B.

Теория эта, в защиту которой выступил в самое недавнее время Кронфельд, была подвергнута решительной критике Липпсом в его статье „Das Wissen von fremden Ichen“: вместо теории „заключения по аналогии“ Липпс выдвинул теорию „вчувствования“ (Einfühlungstheorie) в переживания другого человека, вчувствования, основанного на инстинкте подражания.

Наконец проф. Лосский*), исходя из интуитивистического направления в гносеологии, говорит о непосредственном восприятии чужого Я. К точке зрения интуитивизма приближается и Шильдер, по мнению которого существует и „такое восприятие чужой душевной жизни, которое лежит вне всякой аффективности“. Шильдер полагает, что „не собственное переживание является предпосылкой для понимания чужого переживания, а, наоборот лишь это понимание делает возможным сопережи-

*) Лосский. Восприятие чужой душевной жизни. В сборнике „Основные вопросы гносеологии“. Петроград 1919.

вание", что „существует непосредственное понимание чужих жестов и поступков" и что „хотя в этом понимании принимает участие наш опыт, но в конечном итоге оно предполагает первичное постигание до наличия какого бы то ни было опыта" *).

Теория „заключения по аналогии", теория вчувствования и теория непосредственного восприятия, выдвинутые для об'яснения возможности познания нами чужого Я, покрываются более об'емлющей и более убедительной теорией идентификации. По поводу роли идентификации в процессе познания переживаний другого человека Фрейд **) пишет: „Мы стоим у преддверия того, что психология называет вчувствованием и что принимает наибольшее участие в нашем понимании чужого Я у других лиц"... „От идентификации путь ведет через подражание к вчувствованию, т. е. к пониманию механизма, благодаря которому для нас вообще возможно соприкосновение с душевной жизнью другого человека".

Мы понимаем поступки и переживания чужой личности, лишь перенося себя в ее ситуацию, и поэтому наряду с правильным постиганием многих процессов в чужом Я мы нередко совершаем целый ряд ошибок, обусловленных проекцией свойствен-

*) P. Schilder. Medizinische Psychologie.

**) Фрейд. Психология масс и анализ человеческого Я. Стр. 51 и 54.

ных нам комплексов на переживания той личности, с которой происходит в данном случае отождествление. Штекель удачно называет эту неспособность к правильному пониманию чужого Я, вызванную наличием неразрешенных комплексов, „слепым пятном“ в нашем восприятии. В повседневной жизни это называют—„мерить на свой аршин“. Кто неспособен к идентификации, тот неспособен и к вчувствованию, тот не способен к учету интересов чужой личности, тот не может проявить понимания чужого Я.

„Интуитивное“ понимание рождается на почве подражания: каждое переживание вызывает иннервационные изменения в нашей мимике, в наших жестах; подражая (бессознательно) этой мимике и жестам, мы обратным путем вызываем у себя соответствующее психическое состояние (Фенихель), но это подражание происходит с гораздо меньшей затратой энергии, нежели у человека действительно и полностью переживающего то душевное состояние, которое вызвало у него изменения в мимике и жестикуляции. Остаток аффективной энергии, остающийся неизрасходованными в результате подражания, затрачивается на понимание чужого Я, и таким образом возникает интуитивное понимание подобно тому, как при комизме неизрасходованная энергия отреагируется в смехе. Но самое важное в этом процессе заключается в том, что такое подражание возможно лишь на основе идентификации. Мы неспособны к интуитивному постиганию душевных пе-

реживаний у тех лиц, к которым мы относимся индифферентно, которые не интересуют нас, с которыми мы, следовательно, не имеем точек соприкосновения, необходимых для идентификации.

Относительно элемента подражания при вчувствовании теория интуитивизма приводит возражение, сущность которого сводится к следующему *): „В восприятии чужого зевка и гнева мне дана извне только зрительная картина рта, темное отверстие которого все увеличивается, или зрительная картина краснеющего лица, пространственные формы которого и отношение света и теней меняются (вследствие нахмурения бровей и сжимания челюстей). И вот, по Липпсу, этой зрительной картине я подражаю посредством своей мускульной деятельности, которая дает мне... кинэстетические, а вовсе не зрительные переживания".

Это возражение кажется на первый взгляд неопровержимым. Однако, если принять во внимание происходящую при подражании идентификацию, одним из проявлений которой оно является, то станет ясным, что идентификация эта распространяется и на кинэстечические ощущения и на аффективные реакции чужого Я. К такому же выводу, но иными путями приходит в конце концов и теория интуитивизма": „Без сомнения не зрительная картина уве-

*) Лосский, l. c. Разрядка автора.

личения темного отверстия чужого рта, а восприятие „сладостной" активности чужого зевка пробуждает во мне влечение к такому же акту; точно также не зрительная картина гнева, описанная выше, а восприятие чужого гнева и моторной активности его, кроющейся под зрительной картиной, заражает меня, и во мне вскипает гнев. Иными словами, только в том случае, если я воспринимаю сочеловека не просто, как сочетание световых поверхностей, меняющих свое положение в пространстве, а как нечто активное, жизнедеятельное, одушевленное, у меня возникает влечение к подражанию его активности и душевной жизни" *). Но то, что учитывается теорией интуитивизма, как непосредственное восприятие чужой психической жизни, происходит все же через посредство идентификации. Когда я прихожу, взволнованный, к своему близкому другу и стараюсь скрыть от него какое-либо крупное событие, происшедшее в моей жизни, а он „интуитивно" чувствует, что что-то все же произошло, то мы здесь имеем дело отнюдь не с непосредственным восприятием чужой душевной жизни. Изменения в моей моторной сфере вообще и в мимических движениях в частности, вызванные соответствующими переживаниями, дают ему возможность „интуитивного" познания моих переживаний, хотя в большинстве слу-

*) Лосский. I с., стр. 100.

чаев восприятие таких мельчайших мимических изменений происходит, минуя аппарат сознания. Если идентификация у моего друга не распространяется настолько глубоко, тогда у него не наступает „интуитивное" познание моих переживаний, и в этих случаях говорят о недостаточной „чуткости". То же самое относится к художественной интуиции: „Интуицией, вдохновением, творчеством, чутьем мы называем мнение, истину, сумму представлений, идей, в которых мы уверяемся, минуя сознательное аналитическое мышление. В интуиции нужные идеи и мнения образуются в сфере подсознательного, они всплывают на поверхность сознания именно вдруг, непосредственно, неожиданно" *).

Само собою разумеется (как это отмечается почти всеми авторами), что в процессе познания чужого Я большое значение имеет предшествующий как онтогенетический, так и филогенетический опыт. Однако, без идентификации никакое постигание чужой психической жизни было бы невозможно. Этот взгляд был также высказан проф. Введенским еще в 1892 году в одном из тезисов к его исследованию „О пределах и признаках одушевления": „Всякое познание чужой душевной жизни приобретается при помощи подстановки самого себя в ее условия; и потому чужая душевная

*) Воронский. Заметки об искусстве. „Красная Новь" № 6, Июль—Август 1925 г.

жизнь всегда конструируется из элементов собственной душевной жизни познающего лица".

Идентификация в творчестве.

Поэт в процессе творчества создает целый ряд образов. Какие пути приводят его к пониманию многообразной душевной деятельности изображаемых им героев и какие особенности в структуре его душевного аппарата делают для него возможным подобного рода творческий процесс?

Исследованиями Фрейда и Ранка установлено, что творческая деятельность является одним из многообразных проявлений либидо, утрачивающего свой специфический сексуальный характер. Процесс десексуализации либидо и превращения его в другие формы энергии носит название сублимирования, а одним из необходимых этапов предшествующих сублимированию является идентификация. Таким образом мы приходим к теоретическому обоснованию наших априорных выводов о том, что у художника должна быть ярко выражена способность к иденфитикации („перевоплощаемости"), а тем самым и к десексуализации своего либидо, т. е. к сублимированию. Вчувствование в переживания своих героев, выдержанность их образов определяется способностью художника к идентификации с ними. Гете говорит о себе: „Я заходил в мастерские, и у меня проявлялся инстинкт отождествлять себя с чуждыми мне по-

ложениями, чувствовать каждую специфическую форму человеческой жизни и с наслаждением принимать в ней участие". В тех случаях, когда у художника нет достаточных опорных пунктов для отождествления со своими героями, образы получаются искусственными, бледными, нежизненными, надуманными. Оттого то в одном и том же произведении наряду с яркими, насыщенными художественной правдой образами встречаются ходульные манекены, поступки которых носят исключительно рационалистический характер и не являются в достаточной мере обоснованными и детерминированными. Это же обстоятельство отмечает и Шопенгауэр: „Великие поэты, как например Шекспир и Гете, совершенно превращаются в те лица, которые им нужно изобразить; подобно чревовещателям они говорят из глубины каждого из нас с одинаковой правдой и естественностью — герой ли это или невинная девушка. Другие поэты, менее даровитые, как например Байрон, придают главному лицу свои собственные черты, а второстепенные лица в их произведениях большею частью бывают безжизненны". (К эстетике поэзии).

Прекрасной иллюстрацией сказанного может явиться „Обломов" Гончарова. Яркий, правдивый, насыщенный художественной реальностью образ Обломова, являющийся до некоторой степени художественным автопортретом Гончарова, вы-

держан и представляется нам цельным именно потому, что в его изображении принимала участие глубокая идентификация художника с изображаемым им героем. И наряду с ним образ Штольца, в котором Гончаров пытался дать тип человека, активно участвующего в реальной жизни, обладающего никогда не иссякающей жаждой деятельности, кажется надуманным, психологически неоправданным; стремление показать Штольца активно участвующим в реальной жизни при одновременном отсутствии (или недостаточности) идентификации с ним, привели Гончарова к внутреннему противоречию, и он на протяжении всего романа так и не показал нам, в чем же собственно заключается непрерывная, кипучая деятельность Штольца и каковы точки ее приложения в жизни.

Наличие неразрешенных комплексов вызывает у художника, как и у всех остальных людей, „слепое пятно" в его восприятии, ограничивающее его способность к идентификации. Художественной переработке становится доступен не весь бесконечный мир переживаний, а та лишь часть его, которая обнаруживает особое сродство с ненасыщенными, не нашедшими своего разрешения комплексами художника. Проф. Лапшин называет это „слепое пятно" психологическим иллюзионизмом и учитывает наличие его у художника, как момент, „лишающий его способности верного самонаблюде-

ния" и ослабляющий в нем „дар перевоплощаемости" *).

Подобно тому, как у участника массы идентификация идет в двух направлениях, с вождем массы и с другими участниками ее, так и художника идентификация происходит, с одной стороны, с героями произведения, а, с другой стороны, с читателем. Отсутствие последней идентификации порождает недостаточный учет психологии читателя и невозможность для последнего в свою очередь отождествиться с героями художественного произведения и понять замысел автора. Таковы некоторые футуристические произведения, вызывающие у рядового читателя чувство недоумения, что же собственно хотел сказать автор, в чем смысл данного произведения. Творческое мышление, протекающее без наличия идентификации с читателем, может обнаруживать аналогию с шизофреническим мышлением. Таков, например, отрывок из романа И. Эренбурга „Условные страдания завсегдатая кафэ", отрывок, несомненно понятный писателю, имеющий для него определенный смысл, но совершенно недоступный читателю: „Горячесть Ао, процеживаемая сквозь зеркала и сны, как процеживается солнце сквозь безвоздушность пространств, обагряла щеки Огюста. Нужно вспомнить пьяных фавнов Рубенса,

*) Проф. Лапшин. О перевоплощаемости в художественном творчестве. „Вопросы теории и психологии творчества" Т. V-ый Харьков 1914. Разрядка автора.

слезливую воспаленность бычьих глаз, сумасшедшую опару грудей и животов, порции брюссельских ресторанов, мясо, бюсты торговок, крепкое мутное пиво „Гез-Ламбик", пуховики, католический мазохизм, обжорство, монастыри, боксерские рукавицы, Метерлинка, его же „Синюю птицу", в виде утки с обязательной репой на свадьбах, количество банков и харчевень, где день и ночь бурлит сало котлов, нужно вспомнить все это, чтобы понять безрассудство белобрысой, рыхлой фламандской любви — (такой нигде нет). „Закупите" было лишь прихотливым спряжением явно неправильного глагола, выражающего любовь. Если есть где-нибудь вне кафе „Ля Бурс" подлинная Мексика, не биржевая мистификация, не трюк кинорежиссера, наверное нож в зубах и вздутость жил заменяют там сложный лексикон подобных из'яснений. Ао, это твои груди, айва дервишей и обезьян, котировались наравне с „Конго-Ивуар" и с „Канада-Пасифик". От сухости губ, от их невыносимой горячести поцелуи росли в цене, бесился мелок, ахали стаканы и добросовестно потели маклера, эти телефоны в штиблетах, промышляющие не груди индуски, не платину, даже не акции, а мелочь комиссионных, новый котелок, свинину с бобами, теплый окорок фламандской девки, распродающей под утро остатки ласк.

(Так оправдывался город, известный, помимо того лишь Манекен-писсом и вареными ракови-

нами. От капусты, от кружев остались прилагательные. Реклама наносных войн или универсальная хлопотливость Вандервельде не спасают от забытья. Зато дрожь стаканов кафэ „Ля Бурс“ передается во все концы света. Бой за груди Ао, описанный выше, исказил многие лица Сити, Унтер-ден-Линден, даже Вол-Стрита. Что означала пляска значков? Смерть „Мехико-Платина“ или ловкий прием платинового треста Иоганнисбурга?)“.

Или вот еще образчик творчества, аппелирующего к бессознательной сфере читателя, который смутно воспринимает художественное изображение агрессивных и садистических тенденций, но которому „вчувствоваться“ мешает необычное внешнее оформление:

КАТОРЖНАЯ ТАЕЖНАЯ.

Захурдачивая в жордубту
По зубарам сыпь дурбинушшом,
Расхлабысть твою да в морду ту
Размочардай в бурд рябинушшом.

* * *

А ишшо взграбай когтишшами
По зарылбу взымбь колдобиной,
Што быш впрямь зуйма грабишшами
Балабурдой был худобиной.

* * *

Шшо да шшо, да ненашшоками,
А впроползь брюшиной шша—
Жри ховырдовыми шшоками
Раздобырдывай лешша.

Василий Каменский.

(Леф, журнал левого фронта искусства, № 4. Август — Сентябрь 1924. Госиздат, Москва —Петроград).

Идентификация и система воспоминания.

В процессе художественного творчества писатель мобилизует весь опыт, накопленный им в предшествующей жизни. Согласно данным психоаналитического исследования мы знаем, что опыт этот запечатлевается в системе воспоминания (Erinnerungs-System). Следовательно, идентификация автора с изображаемым героем должна способствовать оживлению тех следов воспоминаний, которые придадут наибольшую цельность и яркость создаваемому образу и помогут, таким образом, читателю без излишних нагромождений и растянутостей в свою очередь отождествиться с героем. Как сказал Гейне, „вдохновение имеет все свойства воспоминания". Из всей сокровищницы воспоминаний у автора в силу идентификации оживляются и извлекаются только те следы, которые переносят и его самого и читателя в ситуацию изображаемого героя. Иногда это—мелкий штрих, напо-

минающий о тех „забавных" аналогиях, на основе которых происходит перенесение.

При изображении переживаний ребенка художник должен регрессировать до ступени инфантильной психики. В противном случае образ ребенка будет надуманным, он не будет трогать нас своей детской непосредственностью, на нем будет лежать печать проецированной психики взрослого человека, а в силу этого читатель не сможет с ним отождествиться, и переживания и поступки ребенка не будут слиты в цельный, гармоничный образ. Эта идентификация художника с ребенком должна распространяться не только на переживания, мысли и фантазии ребенка, но даже на его восприятия. Изумительный пример такой идентификации находим мы у Толстого в „Анне Карениной": „Сережа задумался, вглядываясь в изученное до малейших подробностей лицо швейцара, в особенности в подбородок, висевший между седыми бакенбардами, которого никто не видал, кроме Сережи, смотревшего на него всегда не иначе, как снизу". Эта маленькая, но в высшей степени характерная деталь в восприятии Сережи сразу дает читателю возможность почувствовать себя маленьким перед величавой фигурой швейцара; она сразу переносит его в положение Сережи и усиливает ту идентификацию, которая возникла из предшествующих описаний. Эта подробность в описании Толстого может быть в равной мере и результатом „вчув-

ствования" и его собственным воспоминанием. Но даже в последнем случае это воспоминание было выхвачено и оживлено из огромного ряда следов воспоминаний, касающихся инфантильной жизни самого Толстого, только в силу глубокой идентификации его с изображаемой им фигурой Сережи.

В этом же романе Толстого мы находим очень интересное описание такого оживления следов воспоминания. Художник Михайлов „рисовал эту новую позу, и вдруг ему вспомнилось с выдающимся подбородком энергическое лицо купца, у которого он брал сигары, и он это самое лицо, этот подбородок нарисовал человеку. Он засмеялся от радости. Фигура вдруг из мертвой, выдуманной стала живая и тонкая". И в другом месте: „Он и сам не заметил, как он, подходя к ним, схватил и проглотил это впечатление, так же как и подбородок купца, продававшего сигары, и спрятал его куда то, откуда он вынет его, когда понадобится."

Художник жадно наблюдает жизнь, запечатлевает в себе все виденное и слышанное, и среди нагромождения этих воспоминаний он безошибочно извлекает нужный ему штрих, чтобы дополнить им созданный образ. Само собой разумеется, что эта идентификация протекает не сознательно, и такую бессознательную идентификацию обычно называют „интуицией." Для осуществления такой идентификации художник должен отличаться способностью к регрессии до любой ступени. У здорового нор-

мального человека регрессия знаменует собой болезнь. Для него путь развития проходим только в одном направлении — к прогрессу; отличительной чертой художника является способность к регрессии без последующего заболевания. Вместо болезни у художника наступает сублимирование, которое, являясь прогрессом в социальном отношении, знаменует собой регресс в либидинозном отношении, так как оно связано с переходом сексуального либидо в не-сексуальное.

Вчувствование в творчестве

Как было уже указано, „путь к вчувствованию ведет от идентификации через подражание". Само собой разумеется, что подражание это не осуществляется в полной мере. Для вчувствования в переживания другого человека вовсе не необходимо полностью пережить то же самое, что переживает другой человек. Достаточно представить себе, что он переживает. „Процесс представления или „мышление" отличается от действия или поступка прежде всего тем, что он приводит в движение гораздо меньшее количество активной энергии и не производит расходования главной затраты"*). Достигающаяся таким путем экономия энергии может получить в дальнейшем самое разнообразное примене-

*) З. Фрейд. Остроумие и его отношение к бессознательному. Изд. „Современные Проблемы." Москва 1926. Стр. 257.

ние: при специфических для комической ситуации условиях она отреагируется в смехе, в житейской обстановке она затрачивается на сопереживание, при восприятии художественного творчества она преформируется в эстетическое наслаждение. В самом же процессе художественного творчества экономия энергии получает свое выражение во вчувствовании.

Фрейд говорит о мимике представлений (l. c., стр. 258), под чем он разумеет телесную иннервацию, соответствующую содержанию представления. При восприятии чужой душевной деятельности, аффектов, моторных проявлений и т. д. у нас возникает стремление к подражанию, сказывающееся в мимике представлений. При виде плачущего человека лицо у нас вытягивается, чужой смех, даже если нам неизвестна причина его, вызывает у нас едва заметную улыбку и т. д. Эта тенденция к подражанию является результатом идентификации. Поэтому a priori следует думать, что у художника с весьма развитой способностью к идентификации должна быть резко выражена и тенденция к подражанию. В содержательной и богатой фактическим материалом работе проф. Лапшина „О перевоплощаемости в художественном творчестве“ имеется много указаний на существующую у художников тенденцию к подражанию, из которых я заимствую один только пример: „Диккенс, обдумывая свой роман, прибегал к зеркалу, обладая

столь мимически подвижной физиономией, что, по словам Карлейля, „его лицо вмещает в себе жизнь и душу пятидесяти человеческих существ". Может быть он игрой физиономии и жестикуляцией имел в виду вызвать в себе соответствующие эмоции изображаемого лица, т. е. глубже вчувствоваться в это лицо".

Общеизвестно, как часто в кругу литературной „богемы" пародируют и нередко с большим успехом друг друга и сильных мира сего, а стремление к пародированию является ничем иным, как выражением той же тенденции к подражанию.

Возникающая в результате идентификации тенденция к подражанию не ограничивается сферой чисто психических переживаний и может рождать иногда физические ощущения, которыми сопровождаются соответствующие переживания. В этом отношении любопытно письмо Флобера, относящееся к тому времени, когда он писал „Бовари": „Какое наслаждение писать, не быть больше собою, претворяться в изображаемые существа! Сегодня, например, зараз и мужчина и женщина, и любовник, и любовница, я катался верхом в лесу в осенний полдень под желтой листвой, и я был лошадьми, листьями, ветром, речами моих героев и красным солнцем, от которого они опускали веки глаз, отуманенных любовью". И в другом месте: „Я присутствую на их поездке; чувствуешь жару до пота, горло пересохло".

Мы располагаем одним весьма ценным признанием художника, четко выражающим указание на мимику представлений. В романе Б. Келлермана „Ингеборг“ героиня, по имени которой назван роман, рассказывает Акселю о своих наблюдениях над поэтом Блютгауптом: „Я спросила его потом: скажите, пожалуйста, вот вы идете по улице, вам встречаются многие лица, и вы читаете по ним?“. Он ответил: „Да, я замечаю много виновных, несомненно“.—„Откуда это у вас?“—„Раньше я долго изучал собственное лицо“, сказал он: „всякий порок, всякое преступление накладывают печать на нем“. Он сделался мрачным. Жутко с ним! Мне хотелось узнать как можно больше. „А как поступили бы вы, если бы на лице вашего брата прочли, что он может стать убийцей?“—„Я сказал бы ему об этом и стал бы остерегаться“—„Чего?“—„Как бы мне самому не совершить убийства!“ Я спросила: „Ну, а если бы он убил вашу возлюбленную? Что сделали бы вы?“.

Улыбаясь ответил он: „Убил бы его!“ Мне стало жутко от этой улыбки. Я чувствовала, что он не лжет!

Затем она видела, как он разговаривал с нарядной маленькой служанкой, видела его среди работников, он был со всеми на „ты“. Качала головой.

„Он многоликий!“ говорила она: „мне придется отказаться от изучения его“.

С тех пор она стала называть его многоликим“.

Психоз в художественной литературе.

Путем вчувствования, построенного на идентификации, художник получает возможность перевоплощения в своих героев; он проникает в самые сокровенные тайники человеческого сердца, выдает нам затаенные мысли и желания людей; его взору доступно все, начиная от переживаний животного („Холстомер" Л. Толстого, „Изумруд" Куприна, „Голос крови" Лондона и мн. др.), инфантильной психики, несложных переживаний примитивного человека вплоть до тончайших изгибов усложненной психики современного культурного человека.

Однако, есть и такие явления в психической жизни, где никакая „интуиция", никакое „вдохновение", никакое „вчувствование" не помогут художнику преодолеть преграду, стоящую между ним и чужим Я. К разряду таких явлений следует отнести душевную болезнь. Удивительно, с какой настойчивостью и с каким постоянством художественное творчество возвращалось к этому вопросу и как неудачны были в большинстве случаев все попытки дать хоть сколько-нибудь удовлетворительное описание и понимание переживаний душевнобольного человека. За исключением тех случаев, когда художник сам носил в себе черты более или менее ясно выраженного душевного заболевания (Достоевский, Гаршин, Стриндберг) художественная литература давала нам неправдопо-

добные образы душевно-больных, насыщенные психологизмом, соответствовавшим художественному замыслу автора („Мысль" Андреева, „Офелия" Шекспира и т. д.), либо в лучшем случае заимствованные из учебников психиатрии отрывочные описания без связи их с внутренними переживаниями героев („Отрава" Щепкиной-Коперник, „Лазарь" Анри Беро). Причину этого понять нетрудно: она заключается в невозможности для нормального, душевно-здорового человека идентифицироваться с душевно-больным, а эта невозможность идентификации обусловлена той легкой проходимостью между системами сознательного и бессознательного, какая существует у душевно-больного. Как указывает Штерке*), все существующие в настоящее время критерии душевного заболевания сами по себе недостаточны, хотя в отдельных случаях они и соответствуют действительности. Ни социальная опасность, ни неспособность к вчувствованию, ни утрата чувства реальности, ни, наконец, отсутствие сознания своей болезни не являются сами по себе надежными признаками, на основании которых можно было бы отнести человека к разряду душевно-больных. Основным критерим Штерке считает таящуюся в душевно-больном угрозу: разоблачение бессознательного, тщательного вытес-

*) A. Stärcke. Psychoanalyse und Psychiatrie. 1921.

няемого человеком. Поэтому к огромному интересу, проявляемому душевно-здоровыми людьми в отношении к душевно-больным, неизбежно примешивается чувство страха, ужаса и жути. Они видят бессознательное, свободное от влияния строгой цензуры, которая разрушается или, в крайнем случае, ослабляется при всяком душевном заболевании. А к осознанию своего бессознательного, к принятию его и к примирению с ним нормальный человек, в том числе и художник, неспособен. Наоборот, художник в большей степени, чем другие люди, склонен к вытеснению, которое повышает его способность к сублимированию. Эта противоположность между художником с его повышенной склонностью к вытеснению и душевно-больным с существующей у него пониженной сопротивляемостью цензуры приводит первого к искусственным построениям при попытке вчувствования в переживания второго.

Наилучшее, на мой взгляд, описание динамичности переживаний душевно-больного (шизофреника), данное Леонардом Франком в небольшом произведении „Причина", построено на данных психоанализа. Впрочем, и это описание несвободно от некоторых дефектов и схематизации, которые все же должны быть оправданы в виду сложности и трудности, поставленной художником задачи: дать психологическое толкование бреду и поступкам душевно-больного.

Идентификация и детерминизм психической жизни.

Создаваемые художником образы только тогда кажутся нам художественно выдержанными и цельными, когда поступки и действия героев обусловлены не только ситуацией, в которой они находятся, но и всей структурой их личности, их комплексами, предшествующими переживаниями и т. д., т. е. иными словами, когда художнику удается постигнуть и изобразить детерминизм психической жизни своих героев. Разумеется, первостепенное значение в этом вопросе играет жизненный опыт художника, являющегося всегда и везде жадным и вдумчивым наблюдателем окружающей жизни. Идентификация художника со своими героями способствует систематизации этих наблюдений, приведению их в связь с тем или иным образом. Одна только рационалистическая мотивация поступков и характерных черт героя делает образ искусственным, оторванным от жизни, висящим в воздухе; он облекается кровью и плотью лишь тогда, когда художник постигает детерминированность его поведения, когда он рисует нам окружающую среду и раскрывает перед нами страницы иногда незначительных даже, на первый взгляд, событий, под влиянием которых протекало формирование и развитие личности. Для художника нет необходимости подчеркивать наличие причинной связи между этими событиями и характерными чертами своих героев, он указывает лишь

читателю на предсуществование таких событий и предоставляет ему самому сделать соответствующие выводы. В тех случаях, где связь эта легко постигается, где заполнение сделанного художником пробела не требует большой затраты энергии, такое предоставление самостоятельности читателю является немаловажным источником эстетического наслаждения в процессе восприятия художественного творчества.

В вопросе о детерминизме душевной деятельности художественное творчество опередило правильную научную трактовку. Писатели издавна давали должную оценку „комплексу фамильного романа" (т. е. отношению к отцу и к матери), роли детских переживаний, первых столкновений с реальностью и т. д., и правильно учитывали влияние их на последующую жизнь и формирование характера своих героев. Из бесконечного множества литературных примеров, могущих иллюстрировать роль идентификации в детерминировании поведения человека я привожу роман Анри де Ренье „Дважды любимая". Робкий и застенчивый юноша, воспитывающийся без отца, строгой и мужественной матерью, делает первую попытку приближения к женщине. Выбор об'екта в значительной мере облегчается для него тем, что эта женщина приходится ему родственницей и проявляет в отношении к нему значительную активность, помогая ему преодолеть робость и застенчивость... „Она повернулась на

спину, взяла одну из виноградных кистей и стала по одной есть виноградины. Она ела их медленно, с разбором и лакомясь. Она держала кисть высоко над собою. Каждое движение ее руки, поднимавшейся к губам, обнаруживало золотистую тень под мышками. Кисть мало-по-малу уменьшалась, и вскоре у Жюли в руке остался зеленый растительный остов, в нежном своем строении, где каждая сорванная виноградинка оставляла словно каплю ароматной и сладкой жидкости. Оставалась последняя виноградинка; она взяла ее пальчиками, с вызывающим смехом бросила ею в Николая и попала ему в лицо.

Он поднялся с кресла очень бледный. Жюли закрыла глаза. Она ощущала на своей коже прерывистое дыхание, на своих губах чьи-то губы, чью-то руку у своих грудей; другая рука более смелая и более близкая, углубившаяся в складки юбки, достигла мякоти бедра, и поднималась вверх, дрожащая и холодная, слегла щекоча ее ногтями... Потом вдруг она перестала ощущать что-либо, и открыла глаза.

В обрамлении двери, распахнутой настежь, стояла г-жа де Галандо. Она показалась Жюли непомерного роста, словно ее высокая прическа в старинном вкусе почти касалась потолка, потом она стала меньше, и Жюли увидела ее в трех шагах от себя, стоявшую неподвижно. Она слышала, как у Николая стучали зубы Одним поворотом поясницы она села на столе, свесив ноги. Чтобы не показать

себя растерявшейся, она касалась розового кончика своей груди с видом внимательным и равнодушным. Ее приподнятая юбка обнажала ее бедро. Спрыгнув на пол, она секунду помедлила, надула губки, посмотрела попеременно на тетку и на своего двоюродного брата, потом, разразившись хохотом, прошла мимо г-жи де Галандо, сделала ей реверанс и убежала, причем, запирая за собою дверь, она слышала звук по лицу провинившегося сына сильной, звонкой и полновесной материнской пощечины". С тех пор Николай де Галандо остается на всю жизнь замкнутым, робким и застенчивым. Умирает его мать, он становится внешне самостоятельным, материально обеспеченным, но чувство зависимости и собственной малоценности не покидает его, женщина остается для него запретной и недоступной. Либидинозная фиксация на новом об'екте осуществляется лишь при особых условиях, нарисованных Ренье с изумительной проникновенностью. Николай де Галандо, одиноко и безрадостно проживший свою жизнь, на пятьдесят пятом году своей жизни случайно видит на балконе дома женщину: „Она ела виноградинку за виноградинкой, медленно, наслаждаясь, держа тяжелую, пышную кисть перед глазами, и то спеша, то останавливаясь, чтобы повернуть кисть в руке. Г. де Галандо снизу тревожно следил за ее движениями. Всякий раз, когда она отправляла в рот сочную, душистую ягоду, он ощущал у себя во рту восхитительную свежесть; ему

казалось, что он вкушает нечто таинственное и запретное; он чувствовал какое-то жгучее волнение и истому. Мертвая тишина висела в душном воздухе. Николай глядел. Рука его дрожала на набалдашнике его трости. Холодный пот струился по его лицу. Он чувствовал, как со дна его души подымалось тонкое и знакомое волнение и мало-по-малу охватывало его всего. Эта молодая женщина с поднятыми руками и обнаженной грудью, евшая виноград, словно выплывала из глубины его прошлого. Час далекий и забытый возрождался в настоящей минуте. Он стоял ошеломленный, прислонясь спиной к стене. Губы его шептали имя, которое он не повторял уже долгие годы: „Жюли! Жюли!"...

...„Синьора не двигалась с места. Она быстро поворачивала в руке виноградную кисть. На ней оставалась всего одна ягодка; она оборвала ее, с минуту покатала в пальцах, потом обернулась, и с громким хохотом бросила ее в г-на де Галандо, стоявшего с раскрытым ртом, выпученными глазами, дрожавшими коленами и протянутыми руками; ягода попала ему прямо в щеку, отскочила и упала на землю, где и осталась лежать, сочная, золотистая и, словно сахаром, обсыпанная пылью"...

В изображении Ренье заложен ключ к пониманию детерминизма психической жизни вообще и в частности к психоаналитическому толкованию механизма выбора об'екта. Говоря языком формулы, можно сказать, что об'ектная идентификация автора

с героем дает ему возможность прочувствовать и изобразить суб'ектную идентификацию образа Олимпии с образом Жюли, из которых первый являлся лишь строго детерминированным „переизданием" второго.

Идентификация и бисексуальность.

Художнику, разумеется, легче удается идентификация с лицами своего же пола; в изображении их переживаний, мыслей, поступков он может опираться на свой собственный жизненный опыт. Но в процессе творчества ему приходится изображать переживания и характерные черты лиц другого пола, при чем очень часто бывает так, что эти переживания свойственны не обоим полам, а составляют специфическую особенность одного лишь пола. Однако, и самые обычные чувствования переживаются женщиной, например, иначе чем мужчиной в силу характерных особенностей женской психики.

Какие же элементы в структуре личности художника дают ему возможность идентификации с лицами противоположного пола и облегчают ему проникновение в их Я? Как показывают данные эмбриологии, каждый человек в период своей внутриутробной жизни проделывает фазу бисексуальной организации и лишь к концу своего развития превращается в особь мужского или женского пола. Несмотря на эту последующую дифференциацию

фаза бисексуального развития все же накладывает свой отпечаток не только на физическую организацию индивида (наличие рудиментарных органов, составляющих специфическую особенность другого пола), она сказывается и в целом ряде психических особенностей. Понятия „мужское" и „женское" в смысле психического содержания существуют только как условный идеал сексуальной дифференцировки, и в практической жизни иногда трудно бывает разграничить и обосновать, что считать „мужской" или „женской" особенностью. Как говорит Фрейд, „мужественность и женственность в чистом виде остаются теоретическими конструкциями с неопределенным содержанием" *).

Следовательно, в каждом человеке отмечаются более или менее выраженные черты психической бисексуальности, наличие гомосексуального либидо наряду с гетеросексуальным. У художника эти черты должны быть выражены сильнее. Иногда это сказывается даже во внешности, и простое наблюдение может показать, как часто среди художников встречаются женственные мужчины, носящие длинные волосы, обнаруживающие нарцистические тенденции в такой мере, в какой это обычно свойственно женщине; столь же часто приходится видеть в среде

*) З. Фрейд. Некоторые психические следствия анатомического различия полов. Сборник „Психоаналитические этюды". Изд. „Вопросы теории и практики психоанализа". Одесса 1926. Стр. 64.

художников и мужественных женщин, со стриженными волосами, курящих табак, что обычно считается неот'емлемым аттрибутом мужественности. Но даже при отсутствии внешних признаков, свидетельствующих о бисексуальности, у художников чаще, чем у других людей, встречаются характерные черты, составляющие специфическую особенность другого пола: пассивность, недостаточная приспособленность к реальной жизни, склонность к мечтательности, мазохистическая установка у мужчин,—и повышенная активность, самостоятельность, наличие инициативы и т. д. у женщин. Встречаются, конечно, и обратные случаи, когда художник является носителем углубленных и резко выраженных черт, свойственных его полу, но в этих случаях на всем его творчестве лежит печать мужественности или женственности.

Наличием бисексуальных черт можно об'яснить идентификацию художника с изображаемыми героями противоположного пола. Эта идентификация бывает настолько сильна, что, наблюдая физический или физиологический процесс у лица противоположного пола (напр., у женщины), художник-мужчина может изобразить сопутствующие психические переживания иной раз лучше, чем это может сделать женщина. Ярким и убедительным примером сказанного может послужить описание состояния женщины во время родов, данное Э. Золя в романе „Плодородие". По свидетельству критиков, ни одна женщина-

писательница не дала такого блестящего и правдивого описания переживания роженицы, как Золя, несмотря на то, что именно от женщины, которая сама переживала подобное состояние, можно было бы ожидать наиболее правдивого и верного изображения этого периода ее жизни.

Цели и мотивы идентификации. Идентификация начинается уже в раннем детстве. Мотивом к ней является неудовлетворенность влечений, цель ее заключается в овладении реальностью. Эти мотивы и цели идентификации сохраняются в дальнейшем в течение всей жизни человека. По образному выражению Фенихеля (l. c., стр. 309), влечения являются тем постоянным мотором, который приводит в движение механизм идентификации. При неудовлетворенности влечений возникает повышение душевного напряжения, для смягчения которого должно быть предпринято такое изменение реальности, которое принесло бы с собой удовлетворение влечений. В тех случаях, когда видоизменение реальности неосуществимо, мы прибегаем к идентификации для понижения уровня душевного напряжения. С помощью идентификации мы выходим за пределы своего Я, обогащаем свой опыт, расширяем круг наших переживаний. Через посредство идентификаций осуществляет свое воспитательное влияние театр, музыка, литература.

Идентификация в творчестве сохраняет те же цели и мотивы, что и в жизни. Отождествляясь со своими героями, художник изживает свои неотреагированные аффекты, свою неудовлетворенность, недовольство собой. Известно, что у Гойи, изображавшего множество фантастических отвратительных образов и реальных людей отталкивающего типа, существовала потребность „отталкивать от себя все, что тяготело на его душе, чему он придавал форму", потребность, находившая свое выражение в творчестве. Гоголь пишет: „Я стал наделять своих героев сверх их собственных гадостей, моею собственною дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и чем попало".

Но если творчество перестает преследовать одну лишь цель „обслуживания" комплексов художника, если оно выходит за пределы отображения индивидуальности художника и приобретает социальную значимость, тогда художник не только наделяет своих героев присущими ему чертами; он присваивает себе черты своих героев и для полноты идентификации временно деформирует свое Я. Поэтому процесс творчества доставляет художнику не только наслаждение и облегчение; наряду с этим твор-

чество сопровождается мучительными моментами, о которых в прочувствованных строках сказал Есенин:

„Быть поэтом—это значит то же,
„Если правды жизни не нарушить,
„Рубцевать себя по нежной коже,
„Кровью чувств ласкать чужие души".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Что такое идентификация? Суб'ектная и об-ектная идентификация 5
Сознательная и бессознательная идентификация 7
Полная и частичная идентификация 10
Идентификация и невротический симптом . . . 12
Идентификация и Я - идеал 17
Идентификация и психоз 20
Идентификация в сновидении 30
Идентификация в детстве 36
Сублимирование 40
Идентификация и познание чужого Я 44
Идентификация в творчестве 52
Идентификация и система воспоминания . . . 58
Вчувствование в творчестве 61
Психоз в художественной литературе . . . 65
Идентификация и детерминизм психической жизни 68
Идентификация и бисексуальность 73
Цели и мотивы идентификации 76

Цена 75 к.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Д-р С. ФЕРЕНЦИ. Интроекция и перенесение.

Д-р М. ВУЛЬФ. Фантазия и реальность в психике ребенка.

Проф. З. ФРЕЙД. Психоаналитические этюды.

Д-р Я. КОГАН. Отождествление и его роль в художественном творчестве.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Д-р А. ХАЛЕЦКИЙ. К вопросу о восприятии художественного творчества.

Проф. З. ФРЕЙД. О неврозе навязчивости.